

In Memoriam

Джон Малмстад

25 ИЮНЯ 1941, БИСМАРК — 14 ФЕВРАЛЯ 2026, КЕМБРИДЖ

Фото: *Michael Flier*

Александр Лавров

Сорок лет вместе

Уход Джона Малмстада — огромная потеря для всего мирового филологического сообщества, занимающегося русской литературой; особенно для тех, кто посвятил свою жизнь изучению русского модернизма. Для меня это — и неизбывная личная утрата: не стало близкого друга, постоянного соавтора, глубокого и тонко мыслящего человека-единомышленника не только в сфере профессиональных критериев и подходов.

Среди зарубежных славистов Джон Малмстад был фигурой едва ли не уникальной. Многие из них время от времени обращались к тому, чем обычно занимаются в основном отечественные филологи, — к публикации неизданных рукописей, их комментированию, текстологическим разработкам; в центре же творческих интересов, отражавшихся в статьях и монографиях, у большинства его коллег оставались аналитические интерпретации тех или иных фигур и явлений. Малмстад избрал разработку литературной «целины» как основное направление своей профессиональной деятельности. Подавляющее большинство его трудов представляет собой итог архивных разысканий, работы с рукописями, зачастую черновыми и неудобочитаемыми, — материалом трудным, иногда неподвластным даже тем филологам-специалистам, для которых русский язык — родной. Первым крупным результатом этих усилий стала диссертация, защищенная в Принстонском университете в 1968 году, — «Поэзия Андрея Белого: варианты и редакции».

Известно, с каким безудержным упоением Андрей Белый предавался доработкам и переработкам своих произведений, иногда приводя исходный текст в нечто сугубо новое, порой несоотносимое с «оригиналом». Малмстад выявил, описал и систематизировал все варианты стихотворений Белого, обнаруженные в рукописях и отраженные в многочисленных публикациях. Плод этой работы — «Примечания» к подготовленному им трехтомному изданию «Стихотворений» Белого, вышедшему в свет в Мюнхене в 1982 году; они занимают весь 3-й том этого издания объемом более 500 страниц. По сей день более полного текстологического описания и воспроизведения стихотворного наследия Андрея Белого, с прослеживанием всех этапов творческой эволюции текста, не существует.

В плане профессионального самоопределения Джону Малмстаду повезло: его научным руководителем в Принстоне была Нина Берберова, читавшая там лекционный курс о русском символизме. Он стал ее самым любимым и самым ценным учеником, другом на долгие годы жизни. Ирина Винокурова, автор монографии «Нина Берберова: известная и неизвестная» (Бостон; СПб., 2023), неоднократно цитирует переписку Берберовой и Малмстада, хранящуюся в архиве писательницы в Йеле; она длилась почти три десятилетия. «Курсив мой» Берберовой в англо-американском издании и в первом русскоязычном издании 1972 года открывается посвящением пятерым ее студентам; на первом месте в перечне — «Джону». И. Винокурова приводит ее дневниковую запись, подводящую итоги преподавательской деятельности в Принстоне весной 1971 года: «За 8 лет у меня было 7 диссертаций. Из них 2 были <сделаны> аспирантами, специально пришедшими в Принстон ради меня (J<ohn> M<almstad> and <Gary> Kern)» (С. 481).

Для Джона в лице Нины Берберовой воплощалась живая связь времен. Спутница жизни Владислава Ходасевича, близко знавшая Андрея Белого, стояла у истоков его научной карьеры, намечала вектор для последующих публикаторских и комментаторских опытов. Она же ввела его в мир русской диаспоры. Среди русских знакомцев Малмстада — Владимир Васильевич Вейдле, опять же один из «ближнего круга» Ходасевича, Александр Васильевич Бахрах, тесно общавшийся с Белым в Берлине в 1922–1923 гг., Димитрий Вячеславович Иванов, многие другие. Вместе с Владимиром Федоровичем Марковым, эмигрантом «второй волны», Джон Малмстад предпринял одну из первых своих больших работ — мюнхенское издание «Стихотворений» М. Кузмина в 1977 году: 3-й том включал несобранные и впервые публиковавшиеся стихотворения (в основном последних лет жизни поэта), а также 300-страничную написанную им биографию Кузмина («Mikhail Kuzmin: A Chronicle of his Life and Times»). Позднее он продолжит разработку той же темы уже в соавторстве с Н.А. Богомоловым: их книга «Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха» выйдет в «Новом литературном обозрении» в 1996 году и в расширенном англоязычном варианте («Mikhail Kuzmin: A Life in Art») — в 1999-м.

От Берберовой в конечном счете исходило и третье, наряду с всегда оставшимися для него на первом плане Андреем Белым и М. Кузминым, основное направление штудий Малмстада — жизнь и творчество Ходасевича. Вместе с Робертом Хьюзом он взялся за подготовку текстологически выверенного и подробно прокомментированного Собрания сочинений Вл. Ходасевича, которое было предпринято в издательстве Карла Проффера «Ardis» в 1983 году. 1-й том этого издания представляет собой практически полное собрание стихотворений поэта, с тщательно воспроизведенными вариантами черновых рукописей, сосредоточенных главным образом в американских архивах (и преимущественно в личном фонде Берберовой). Как и в случае со «Стихотворениями» Андрея Белого, прокомментированными Малмстадом, мы имеем издание стихотворений Ходасевича, в плане текстологической оснащенности наиболее полное и не имеющее аналогов. К сожалению, издание Ходасевича в «Ardis'e» прекратилось после выхода 2-го тома, а попытка возобновить то же начинание в России также не увенчалась успехом (в 2009–2010 гг. в издательстве «Русский путь» вышли те же два тома, продолжения не последовало).

В 1966–1967 гг. аспирант Малмстад находился на стажировке в Советском Союзе. Тогда он впервые смог познакомиться с рукописями Андрея Белого: началась его многолетняя архивоведческая практика, результаты которой отложились в десятках публикаций. О ходе своих изысканий он регулярно информировал Берберову, которая с неподдельным воодушевлением откликалась на его деловые сводки: «У меня из глаз потекли слезы от волнения. <...> Как я бесконечно рада, что Вы добрались до архивов! Слезы мои относились именно к этой части Вашего письма: я представила себе А<ндрея> Б<елого> записи, и письма, и черновики, и как они 40 лет ВАС ждали, тихо спя в старых папках. <...> Пишите диссертацию так, как Вам хочется, потому что новый материал, неизданный, драгоценный, сам укажет Вам, что и как делать с ним» (цитата приведена в упомянутой книге И. Винокуровой — с. 484).

В Москве в 1966 году завязались и его первые российские знакомства. С особенной теплотой Джон рассказывал о встречах с Надеждой Яковлевной Мандельштам. Клавдия Николаевна Бугаева, вдова Андрея Белого, тогда уже тяжело болевшая, прикованная к постели, передала ему полный текст своих «Воспоми-

наний о Белом», которые он опубликует со своими комментариями в Беркли в 1981 году и позднее переиздаст в Петербурге (2001 г.). В Северной столице на филологическом факультете Джона поначалу прикомандировали к кафедре советской литературы (иногда он в гротескных тонах описывал светлого кафедрального куратора, профессора Л.Ф. Ершова), но ему удалось «переметнуться» под крыло Дмитрия Евгеньевича Максимова, руководившего Блоковским семинаром, в рамках которого допускались работы над другими авторами «нереалистических» направлений. Дмитрий Евгеньевич и Лидия Яковлевна Гинзбург, представители старшего поколения петербургских филологов, стали для Джона душевно близкими людьми, о встречах с ними он многократно вспоминал с волнением и восхищением. Столь же близких друзей он обрел и среди питерских сверстников — в основном из неофициальной и полуофициальной культурной среды.

Длительные советские гастроли не прошли незамеченными: на долгие годы Малмстад стал «невъездным». Однако наработанных за год архивных разысканий оказалось достаточно, чтобы приступить к активной публикаторской деятельности. Андреем Белым в ту пору занимались многие западные специалисты, в их ряду Малмстад скоро определился как один из самых авторитетных и один из немногих, кто в своих работах ориентировался прежде всего на неизвестного, неизданного Андрея Белого. Значимым событием стал и новый перевод на английский «Петербург» Белого, выполненный им совместно с Робертом Магауайром, вышедший в свет в 1978 году и снабженный основательными комментариями. Вместе с Магауайром он написал и статью о «Петербурге» для коллективной монографии «Andrey Bely. Spirit of Symbolism» (1987). Как редактор-составитель этой книги, он посвятил ее памяти Клавдии Николаевны Бугаевой.

Наши контакты поначалу были заочными, по поговорке «Рыбак рыбака видит издалека»: обмен печатными работами, оттисками статей и публикаций. (На одном из таких оттисков — надпись рукой Малмстада: «Прошу послать или лично передать Саше Лаврову (Ленинград)»; сбоку приписка: «С радостью! М.Г.» — рукой М.Л. Гаспарова.) В 1981 году Джону была наконец предоставлена возможность приехать в СССР, и тогда он впервые появился в нашей квартире на Петроградской стороне. Атмосфера в городе под управлением верного ленинца Г.В. Романова была не самая благоприятная для общения с зарубежными учеными, а в отношении нашего дружеского микрокруга — совсем дурная: аресты, суды, обыски, слежка, всевозможные, большие и малые, пакости со стороны инстанций, «на заставах команду имеющих» (за подробностями отсылаю к документальному исследованию П.А. Дружинина «Идеология и филология. Т. 3. Дело Константина Азадовского», вышедшему в «Новом литературном обозрении» в 2016 году). Поэтому не покажется удивительным мой первый вопрос, заданный Джону после церемонии знакомства: когда он договаривался о нашей встрече, не звонил ли он по телефону из гостиничного номера? На это последовал ответ: «Ха-ха! За кого Вы меня принимаете? Конечно, я звонил с улицы, из телефона-автомата». Таким образом, с ним все стало ясно: совершенно свой человек. Диагноз полностью оправдался в ходе последующего продолжительного застолья. Под конец беседы я признался: «Джон, мы видимся первый раз в жизни, а у меня такое впечатление, что мы воспитывались в одной комсомольской ячейке», — на что последовал громогласный хохот.

Джон пришел к нам — сам напросился — и на следующий день, а еще через день или два пришел скоротать последние часы перед отъездом в Москву. Так

завязалось дружеское общение, продолжавшееся более сорока лет. Его поездки в Петербург становились все более частыми и продолжительными, а местом проживания стала наша квартира. Если суммировать все дни, проведенные им в нашем городском жилище, а также летом на Сиверской — на нашей даче, где мы из года в год 25 июня приятельской компанией поздравляли Джона с днем рождения, то набегит года два. Года два каждодневной жизни дружной семьей.

Во многом благодаря этим совместным протяженным будням нам удалось убедиться в том, насколько богато и щедро был обустроен его внутренний мир. «Специалист подобен флюсу: полнота его одностороння» — эта сентенция Козьмы Пруткина менее всего подходит к специалисту по Андрею Белому и Ходасевичу, который вместе с тем раскрывается как просвещеннейший и утонченный знаток классической музыки, оперы и балета, держащий в памяти сотни сложных мелодий; как столь же свободно ориентирующийся в изобразительных искусствах, выказывающий все признаки изощренного вкуса и глубинного понимания; как книголюб, освоивший едва ли не весь массив классической англоязычной литературы и горы литературы современной (поразило меня, однако, что он за всю жизнь не прочел ни одного романа Т. Майн Рида: оказывается, писатель, вдохновлявший когда-то на дерзания героев чеховских «Мальчиков», у него на родине совсем неизвестен). Наконец, еще одна ипостась биографии Джона Малмстада, демонстрирующая широту и активность его жизненных восприятий, — путешествия. В годы энтузиастической молодости он повторил средиземноморский круиз Андрея Белого, двигаясь по пройденному им в 1910–1911 гг. пути через Сицилию, Тунис, Египет и Иерусалим. Джон побывал, кажется, во всех европейских странах, кроме Исландии и Албании, в некоторых — многократно. Объехал многие экзотические уголки — горное святилище инков Мачу-Пикчу и Галапагосские острова, саванны Танзании. Не раз выражал сожаление о том, что так и не удалось добраться до Коктебеля...

Сорок лет дружбы с Джоном Малмстадом — это и годы нашей соавторской работы. Особенность этого соавторства в том, что в большинстве случаев ему предшествовала либо работа, ранее проделанная Малмстадом, либо подготовленная им исходная «материальная» база. Том переписки Андрея Белого и Иванова-Разумника (1998) мы готовили по ксерокопиям писем Белого, заказанным им в архиве (своих средств в подобных случаях он не жалел). На такой же основе формировался и том писем Белого к М.К. Морозовой (2006), а двухтомник переписки Белого и Э.К. Метнера (2017) — по аналогичным ксерокопиям, а также во многих случаях по рукописным копиям, им изготовленным (Андрей Белый — литератор, писавший много и пространно; в этом плане он обрел в лице Джона Малмстада рачительного и неутомимого публикатора). Изданию драмы-инсценировки Белого «Петербург» в 2010 г. предшествовала «Гибель сенатора» — та же пьеса, изданная Малмстадом по другому архивному источнику (Berkeley, 1986), а двухтомнику «Стихотворений и поэм» Белого в «Новой Библиотеке поэта» (2006) — то самое мюнхенское издание «Стихотворений», которое основывалось на результатах его диссертационного труда.

В последние годы Джон оставил профессорскую должность в Гарвардском университете и отошел от активных дел. Перестал он и выбираться из своего дома в Кембридже. Компьютерная переписка с нами, ранее почти каждодневная, постепенно затухала и сошла на нет. Известно, что и с другими своими постоянными корреспондентами он практически прекратил общение. Наверное, это во многом объяснялось участвовавшими и сильно изматывавшими его телесными

недугами. Но, думаю, сказывались причины и духовного, и социального порядка. В 2010-е годы он с возмущением и отвращением констатировал тревожные симптомы в общественно-политической действительности (в том числе и в период так наз. «первой каденции» действующего президента). Возможно, что, наблюдая неуклонную общую эволюцию, осмысляя обрушившиеся на него и на всех нас новые реалии, он почувствовал и осознал, что возможность остаться самим собою предоставляет только психологический статус «внутреннего эмигранта», — и попытался стать таковым. Что и как обдумывал и оценивал он в последние месяцы своей жизни на ее восемьдесят пятом году? Как знать?

Уильям Миллз Тодд III

Джон Малмстад в американской академической жизни

За свою почти пятидесятилетнюю научную карьеру Джон Малмстад обрел международную известность благодаря своей обширной подвижнической работе по сохранению наследия русского модернизма — корпуса литературных текстов, мемуаров и переписок, которые на протяжении десятилетий не могли быть опубликованы в Советском Союзе. Вероятно, ни один иностранный ученый не опубликовал столько книг и статей в России и на русском языке. Многие из них выходили в престижных сериях и журналах, таких как «Библиотека поэта», «Литературное наследство», «Новое литературное обозрение». Вероятно, он был известен российским читателям и специалистам по русской литературе больше, чем читателям на его родном языке. Из двадцати семи его книг лишь немногие были опубликованы на английском: выполненный в соавторстве перевод романа «Петербург» Андрея Белого, удостоенная премии биография Михаила Кузмина (написанная совместно с Николаем Богомоловым), сборник статей об Андрее Белом, а также подготовленный в соредакторстве фestsриффт в честь Владимира Маркова. Почти половина его статей была опубликована на иностранных языках, в основном на русском. Все эти работы отличались научной значимостью и взыскательностью.

Научный талант Джона Малмстада и его личная повестка не вписывались в традиционные рамки американской академической деятельности. В эпоху, на которую пришлась его карьера, американские литературоведы, в том числе слависты, как правило, пренебрегали биографическими исследованиями и архивными разысканиями, уделяя больше внимания литературной теории, интерпретации отдельных произведений, характеристике крупных течений и анализу общих тем. Джон практически не участвовал в деятельности американских научных ассоциаций и избегал их крупных ежегодных собраний. Однако он сыграл значимую роль в двух учреждениях, в которых работал: Колумбийском университете (1968–1985) и Гарвардском университете (1985–2015). Для меня было большой честью быть его студентом в первые годы его работы